Q238 409

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 38 Речи и беседы агитатора № 38

9(с)211
Д 44.

А. Дивильковский

9(с)24
Д 44

ТРЕТЬЯ ГОДОВЩИНА
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Советская власть и ее злые враги)

1930 г.

А.О.Р. Книгохранилище 2179
Инв. № 22017 15053 К

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1920

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1457427

Гиз, № 1067. Р. В. Ц. Москва. Отпеч. в колич. 100.000.

Вторая Государственная типография. Трехпрудный, 9.

1952 г.

Третья годовщина Октябрьской революции.

(Советская власть и ее злые враги.)

---

1. Конец царства коршунов.

Немало раздается вокруг нас жалоб на Советскую власть: и голодно-то при ней, и холодно, и рука-то у ней слишком тяжела в управлении. Верно то, что живется сейчас не легко. Извне на нашу рабоче-крестьянскую республику нападают без устали иностранные капиталисты и белогвардейцы; внутри разорение хозяйственное и недостаток во всем. И все же

Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший,
Свежо предание, а верится с трудом...

С трудом верится, что царский трон разбился вдребезги силою рабочего да мужицкого кулака, что сокрушилась затем недолговечная власть капиталистов при Керенском, что все это случилось всего лишь 3 года назад!

До того огромная разница между минувшим веком, где царствовали, как хищное коршунье, господа дворяне да брюхастые капиталисты, и нынешним веком—веком трудящихся.

Словно триста лет прошло.

Эту разницу всякий чувствует, но не всякий умеет выразить, в чем тут дело. А это очень скверно, потому что, когда у трудового человека понятие о своем кровном деле смутное, то его легко могут сбить с толку хитрецы да жулики, мечтающие и по сей день о возвращении любезного им царства хищников. Вот почему очень полезно оглянуться повнимательней на великий переворот, случившийся в октябре 1917 года и постараться отчетливо понять, в чем же именно он состоял.

Состоял он в том, что, во-первых, сметены, как метлою, все гнилые остатки злого крепостного права, от которого много столетий так страдали наши деды. Во-вторых, еще важнее, разорваны в клочья те хитрые сети, которыми успел опутать и рабочих в городе, и трудовых крестьян в деревне новый владыка Капитал. А в-третьих, на этих развалинах победоносный Труд принялся устраивать свои свободные порядки, где нет места ядовитому паразиту, где все одинаково равны в обязанности трудиться и в праве жить и наслаждаться по-человечески.

Он принялся все это устраивать, но на каждом шагу сброшенные вниз паразиты стараются ему подставить ножку, и потому каждый его шаг достается кровавым потом, и Советская власть далеко еще не смогла довести своей постройки и до половины. Но все же всякий честный труженик ясно чувствует ее богатырские старания и не променяет этого трудного, переходного времени на ту яму, где сидел он 3 года назад.

Разберемте по порядку, чем была и чем стала наша страна за это время.

Первое: уничтожение остатков крепостничества. В самом деле, что же такое было недоброй памяти царское самодержавие, как не последним и самым гнусным остатком крепостного права? Правда, еще 60 лет назад мужик был отчасти освобожден от своего рабства: помещики потеряли право распоряжаться им

и его семьей, как своим скотом, продавать, менять, гонять палкой на барщину. Но зато один всероссийский помещик, называемый царем, сохранил вполне свою власть над всеми своими „подданными“ (т.-е. рабами), а в первую голову над крестьянами: он их и на смерть посылал, на войну, и с земли сгонял, и, коли не продавал за деньги и не менял, то лишь потому, что́ налогами да казенной продажей вина грабил их в 10 раз для себя выгодней.

И когда рабочие, а за ними крестьяне сбросили со своего хребта дорогого батюшку-царя, то издохло окончательно у нас крепостное право. Само собой, что с царем зараз полетела и вся шайка дворян-помещиков, которые только и держались, что за его хвостик, или служили у него генералами да чиновниками, или били баклуши при его дворе в виде особопочетных лакеев.

Второе дело: уничтожение капиталистов и капитала. Это дело можно назвать „вторым раскрепощением“ трудящихся. По той причине, что богачи-капиталисты, захватив в свою частную собственность все фабрики, заводы, мастерские, все рудники, копи, россыпи и прочие места, где лишь добываются или производятся все богатства, сделались полными владыками не только над этими богатствами, но и над рабочими. И когда царь пал, то капиталисты обрадовались, думают: теперь-то мы без помехи одни станем владычествовать над всем государством. И устроили свою буржуазную республику, назвав ее для отвода глаз „демократическая республика“, т.-е. будто бы с равными для всех правами. А на самом-то деле, какое же равенство, когда капитал оставался в руках все тех же богачей и все фабрики и заводы, а у рабочих—лишь свои рабочие руки да голодные желудки? Тут равенство такое, что—хоть повесься, а полезай к фабриканту в кабалу.

Эту-то обманно-демократическую республику с надувалой-Керенским во главе и разбили в прах

восставшие в октябре 1917 г. рабочие в союзе с беднейшими крестьянами. Беднейшие, чисто-трудовые крестьяне тоже уничтожили частную собственность земельную, захватив всю помещичью землю. После этого настало действительное освобождение крестьян и рабочих. И они получили возможность строить действительно равное для всех трудящихся трудовое государство, основанное, как на скале каменной, на общей собственности на все средства производства, т. е. на землю, фабрики, рудники, железные дороги и т. д.

И третье дело: чтобы управлять всем этим общим, огромнейшим богатством, революционный (восставший) рабочий народ организовал свою общую власть таким образом, чтобы вперед никогда больше не могла воскреснуть ни проклятая крепостническая власть помещиков и помещичьего царя, ни новоявленная, надувательская власть капиталистов. А добиться этого можно только единственным способом—путем установления того, что называется по-научному двумя иностранными словами: „диктатура пролетариата".

Нужно всякому рабочему и трудовому крестьянину запомнить твердо эти два великих слова, потому что в них—спасение и его самого, и его детей и внуков.

„Диктатура пролетариата" означает: „Вся власть рабочему классу". Кто такое—рабочий класс, это понятно: все, кто, не имея за душой никакой частной собственности, зарабатывает свой хлеб исключительно трудом рук своих. К пролетариату же (полупролетариату) причисляются и беднейшие крестьяне, кто не может прокормиться от земли, за неимением орудий, скота, удобрения, и принужден себя поддерживать тоже продажею своей рабочей силы. Наконец, союзниками пролетариата в революции оказываются и все вообще трудовые крестьяне (кроме кулаков), кто не заставляет работать на себя никаких наемников,—середняки. Потому что для них тоже смертель-

ными врагами являются помещики и капиталисты. Так что правильней будет выразиться так: диктатура пролетариата и трудового крестьянства.

Теперь слово „диктатура“ или „вся власть“. Полную власть в стране трудящиеся могут получить только тогда, когда прежние их владыки, помещики и капиталисты, не имеют никакого участия во власти. Такая полная власть у нас тем и обеспечена, что управляют страной Советы рабочих и крестьянских депутатов,—Советы, где не имеет права сидеть никто из дармоедов, ездящих на чужом горбе. И эта Советская власть обломает когти всякому, кто лишь осмелится протянуть лапу, чтобы снова оседлать трудящихся.

В Советы входят исключительно рабочие и беднейшие, трудовые крестьяне. Белоручкам тут нет места. Иные притворные друзья рабочих и крестьян (называемые „меньшевики“, потому что стараются дать трудящемуся поменьше, и еще „эсеры“) кричат, что такой порядок несправедлив. Как же, мол,—неравенство! Нужно, мол, чтобы и бывший богач-купец, и бывший помещик, и генерал, и поп, и кулак-живодер заседали бы в Советах; чтобы, значит, были Советы рабочих, крестьянских, капиталистических, дворянских и поповских депутатов.

Понятно, ни один не поврежденный в уме трудящийся не пойдет на такую явную глупость. Зачем, спрашивается, хищнику сидеть в Совете трудящихся? Только затем, чтобы строить там разные козни, сеять раздоры между рабочими и крестьянами? Потому что всякому ясно, что буржуи и бары ненавидят новый порядок и только и мечтают, что о своей старой, широкой масляница. А между тем сила хищных коршунов еще далеко не пропала. Конечно, мы в России коротко обрезали им крылья, но всюду за границей они еще в полной силе, власть их над заграничными рабочими и крестьянами почти не тронута. И вот они оттуда стерегут нашу Советскую республику и

шлют на нас белогвардейцев, поляков, японцев и всячески помогают бывшим нашим господам нас задавить. Так что же, станем ли мы давать равные права в Советах этим недобитым коршунам?

Нет, русские рабочие и крестьяне умеют разобрать свой интерес. Они слишком хорошо помнят царскую и буржуазную каторгу и не дадутся в руки хитрым меньшевикам дасэ эрам. „Вся власть Советам рабочих и трудовых крестьянских депутатов" „диктатура пролетариата" твердая, как железо,—вот каков их ответ белоручкам. Равенство только для честных трудящихся, а белоручки—лежи смирно внизу, пока так не обломаетесь, что научитесь честно трудиться.

И вот все, что рассказано в этой главе про Советскую власть, диктатуру пролетариата, про уничтожение остатков крепостничества и капитализма, про общую собственность на землю и на все средства производства,—все это помещено ясными словами и в правильном порядке в том главном, основном законе нашей социалистической (значит, товарищеской) республики, который зовется тоже научным, иностранным словом „конституция". Конституция означает по-русски „установление" или „учреждение", т.-е. учреждение государства, и должна быть хорошо и подробно известна каждому гражданину, чтобы он твердо знал великие, новые права рабочего класса и не давал себя в обиду хитрецам и жуликам из числа бывших богачей.

Поэтому читайте конституцию Советской власти и вникайте в нее, как следует!

Вы узнаете оттуда, как выбираются депутаты и от скольких избирателей—в Сельский Совет, в Волостной Совет, в Уездный, в Губернский. Узнаете, как созывается высшее учреждение всей трудовой России—Всероссийский Съезд Советов, и также съезды Советов губернские, уездные, волостные. Узнаете, как избираются этими съездами все власти, начиная с Всероссийского Центрального Исполнит.

Комитета (коротко: В. Ц. И. К.) и Совета Народных Комиссаров (коротко: Сов. Нар. Ком.) и до Волостного Исполнит. Комитета (Вол. Исполкома).

И тогда будете ценить выше всего на свете эту огромную, ветвистую, как плодовитое дерево, могучую организацию революционного рабочего самоуправления, и получите крепкую веру, что такой власти не одолеть никаким козням самых хитрых и самых хищных коршунов.

2. Стиснутый боевой кулак Советской власти.

В первое время после октября, после победы рабочего класса над своими вековыми врагами, сами победители еще совсем плохо разумели, как должно быть устроено на деле все управление Советской республикой.

Конечно, они твердо знали, что власть принадлежит только Советам трудящихся, и что всякие попытки со стороны побежденной буржуазии к обратному восстанию (контр-революции) должны быть раздавлены немедленно и без пощады. Но тем более казалось ясным само собой, что, вытеснив долой своих поработителей, рабочий класс и трудовое крестьянство могут устроиться на захваченной земле, в захваченных предприятиях и в своих новых учреждениях вполне без всякого стеснения себя, как полные и ни с кем в свете не считающиеся хозяева.

Фабрика, мол, должна управляться только общим собранием ее рабочих, не терпя никакого иного вмешательства. Армия, мол,—общим собранием солдат. Земля—общим Советом тех земледельцев, что сидят на таком-то участке земли. Железные дороги—союзом ж.-д. рабочих и т. д. Центральной же (главной выборной) Советской власти они должны лишь оказывать свое, какое могут и сами заблагорассудят, содействие.

Так оно и было более или менее вначале, сейчас после Октября. Лучше сказать, так думалось вначале многим рабочим и особенно крестьянам—мелким хозяевам, что должно управляться все новое, свободное Советское государство. Но сразу же такая идея (мысль) натолкнулась на неодолимые препятствия, и скоро на опыте большинство трудового народа уразумело, что не все то правильно, что на первый взгляд кажется самой простой и ясной идеей. В чем же дело?

Дело в том, что в первоначальное понятие „свободы" незаметно прокралась та самая обманная „демократия" (мнимые равные права), которую мы уже достаточно осудили в 1-й главе этой маленькой книжки. Вы помните, что там обман меньшевиков и эс-эров-соглашателей заключался в том, что под видом справедливости они старались протащить в трудовые Советы своих кумовьев—богачей и угнетателей. Теперь в идее будто бы полной свободы неопытные трудовые люди тоже заражаются буржуазными, хозяйскими интересами. Ставши хозяевами фабрики, бывшей помещичьей земли, железной дороги и т. д., они воображают, будто тут их свобода состоит в том, чтобы вести себя, как хозяева. Разница лишь та что был, мол, хозяин-фабрикант или помещик один, а теперь все вместе. Как хозяин, они знать не хотят ничьего вмешательства в свои „домашние" дела.

Это хозяйская или буржуазная свобода. Если ее проводить на практике, то отдельные фабрики, крестьянские общества и проч. станут рвать друг у друга выгоду ничуть не лучше, чем былые хозяева. Одна фабрика работает много, а заработок получают ее рабочие меньше других (хорошие революционеры!), другая ленится и отваливает своим рабочим тройной заработок. И, пожалуй, таких будет огромное большинство. А все рабочее государство оттого пойдет разваливаться.

Значит, такая, подобная хозяйскому самодурству свобода вовсе не революционная, не трудовая, не

социалистическая. Это очень скверная, буржуазная свобода, та самая, которая капиталистов привела ко всемирной, звериной грызне, к империализму (бешеной охоте заграбить весь свет для одной кучки капиталистов), а, наконец, завела их в яму гибели. Свобода рабочих как раз в том и состоит, чтобы уничтожить такую безумную хозяйскую свободу (иначе называемую „анархия", т.-е. беспорядок или безвластие) и на место ее водворить разумный общий порядок, где каждый человек и каждое общее собрание думают о судьбе всего трудового государства, а не только об интересе своей колокольни. А такой разумный порядок возможен только, когда имеется сильная центральная (в середине страны) выборная власть, которая постоянно руководит всей работой трудящихся, направляет ее согласно разумному, общему плану, кого надо усмиряет, кого надо поощряет, словом, действует сама, как один сборный, всеобщий хозяин. Да иначе как же бы возможно было построить социализм, т.-е. товарищеское, общенародное хозяйство в стране, веками привыкшей к разнобою, к беззаботности обо всем, кроме своего интереса, что только под моим носом?

Если такая сильная, всеобщая, центральная руководящая, выборная власть—Советская власть—совершенно необходима даже тогда, если бы кругом нас все было в мире и нам бы оставалось только с головой уйти в мирный труд по устройству счастья всех и каждого из трудящихся, то что сказать о том лихом времени, когда на нас, как несметные стаи бешеных и ядовитых слепней и оводов, мчатся со всех сторон империалисты и белогвардейцы? В 1917—1918 г.г. то наседал на нас царский генерал Корнилов, донской атаман Краснов, то наступали с Урала чехо-словаки, подбиваемые к тому западными империалистами, под самой Москвой кипело одно за другим восстание темных крестьян, подбиваемых опять-таки теми же нашими врагами, словом, времена были

самые неслыханно лихие. Вопрос был таков: или сию минуту погибнуть рабочей республике, или найти быстрое и верное средство к спасению.

В таких обстоятельствах сразу проясняются мозги у людей без дальних разговоров. Сразу стало понятно, что средство к спасению одно: усиление централизации, т.-е. именно такого устройства власти в государстве, о каком выше говорилось. Нечего было бояться, что Советская власть как-нибудь повредит свободе трудящихся, нет, надо было заботиться как раз об обратном: чтобы вся власть всех разрозненных, разбросанных по всей стране рабочих и крестьянских Советов и организаций сжалась, стиснулась вокруг единой высшей Советской власти, как сжимается крепко кулак, когда человеку приходится вступать в смертный бой за свою жизнь. Руководство центральной власти должно было стать самым решительным, исполнительность всех трудовых организаций—самой точной и срочной,—только тогда можно было рассчитывать сравняться с громаднейшей и хорошо налаженной силой капиталистов, что на нас отовсюду двигалась. Только тогда наш советский кулак мог, как дубиной, дробить голову врага.

Как происходило это сжатие богатырского кулака Советской власти? Вот как.

Возьмем фабрики, заводы, железные дороги, рудники. В первое время по захвате их от хозяев управление ими по всей советской стране находилось почти вполне в руках фабрично-заводских комитетов. Рабочие и те из служащих, которые шли с рабочими, выбирали из своей среды комитет, который исполнял лишь постановления общего собрания всех рабочих, собиравшегося для этого чуть не ежедневно. И оказалось, что, увы, эта неверно понятая свобода и на деле гораздо хуже налаживает производство, чем было при самодержце-хозяине. У всех рабочих вместе все же далеко не хватает и познаний технических хозяина и инженера, и даже нет возможности заста-

вить всякого рабочего работать так мало-мальски производительно, как работали из-под хозяйской и мастерской палки.

Факт всем известный, что производительность труда наших фабрик и заводов пала частенько чуть не в 10 раз, и все еще помнят, как безобразно ходили наши поезда, и кто же не знает, что вина тут была не только в саботаже инженеров и высших служащих, но и в неумелости рабочих работать по-свободному. Если бы мы ждали, пока они сами собой успеют справиться с собственным неуменьем, то давно бы были в лапах торжествующего империалиста.

Что делать? Надо было сильною властью из центра наладить расхлябавшуюся машину производства. И он повел свою централъную политику вплоть до самой мелкой фабрики. Прекратился невозможный порядок вмешательства в каждый шаг управления всей фабричной массы рабочих. Выбранный фабрично-заводской комитет вел все дело по указаниям из центра. Но вскоре и этот порядок признан был недостаточным, ибо никакой выборностью и никакими даже бумажными предписаниями центра нельзя было вознаградить отсутствие тоже центральных руководителей, т.-е. знающих, нарочно для того обученных долгими годами в университетах и в институтах специалистов. И вот центр стал посылать таких специалистов-инженеров и даже бывших хозяев и передавать им хозяйственную власть над предприятиями.

Так возникло у нас два боевых вопроса: 1) насчет необходимости „спецов“ и 2) на счет коллегиальности или единоличия в управлении.

Что без хорошо знающих свое дело „спецов“ Советская власть не может сложиться в хороший, крепкий в бою кулак, это скорей всего, еще в 1918 году, стало ясно в военном деле. Тут всякая проволочка и всякая ошибка сразу же стоила нам тяжких поражений от злых наших врагов. У них-то „спецов“, т.-е. генералов да офицеров, было предостаточно, а у нас—герои-добро-

вольцы из рабочих и крестьян, так называемая „Красная гвардия". Геройства у нас было хоть отбавляй, но знания стратегического (в искусстве воевать и именно руководить в бою), которое дается лишь долгим учением и долгим опытом во многих войнах,— не было. Мы поневоле решили, что надо использовать для себя старых царских генералов и офицеров. Ведь никто не может спорить, что в своем ремесле они были порядочными мастерами.

Многие горячие революционеры из рабочего класса пришли было в ужас от такого решения. Как, подпустить буржуев, наших непримиримых врагов, к такому нужному делу, как война! Да они изменят, продадут нас 1.000 раз! Нет, сами рабочие и крестьяне должны выработаться в искусных военных вождей.

— Это верно,—отвечали им старые, испытанные в революции борцы, во главе с т. т. Лениным и Троцким,—пусть вырабатываются наши красные герои в военных вождей, но только в школе военной науки, у старых спецов. Эта школа будет вернее и короче, чем личный опыт, где ошибки слишком дорого будут обходиться, где 20 погибнут раньше, чем один станет сносным офицером. Что же до измены, то, во-первых, мы приставим к спецам зорких комиссаров (наблюдателей) из числа лучших пролетариев, во-вторых, измена спецов нам не так страшна: вред от нее, конечно, не малый, но он гораздо все же меньше, чем польза от науки, которую каждый спец даст сотням и тысячам трудовых воинов.

Сказано, сделано. И оказалась великая правда в словах т. т. Ленина, Троцкого и других. Замечательно быстро наше войско превратилось из разрозненных, геройских кучек, неспособных к правильному ведению большой, долгой, упорной войны, в стройную и многочисленную Красную армию, которая, как великолепная машина, подчинялась единому командованию из центра. Словом, истинно боевой кулак рабочей революции.

Были, конечно, измены—даже самого главнокомандующего в войне с чехо-словаками эс-эра Муравьева, измена офицеров в форте „Красная Горка“ под Петроградом (против царского забулдыги генерала Юденича) и многие другие, но они быстро находили конец в сознательной твердости и преданности своей выборной Советской власти со стороны массы рабочих и крестьян. Оказалось, что революция может как бы пережевывать и переваривать спецов, доставшихся ей в наследство от буржуазного царства. И надо прибавить по-справедливости: многие военные спецы бросили всякую мысль о сопротивлении могучей Советской власти, и по всей совести стали служить на пользу ей, умирая за трудовое, социалистическое отечество. Ведь и они—люди и способны душевно воскресать под благодатным действием всеобщего трудового подъема.

То же и по 2-му вопросу: насчет коллегиальности и единоличия. Нечего долго и распространяться, в военном деле это сразу само собой видно, что командовать в бою должен всегда один человек, а не какая-нибудь выборная организация. В первое время после революции еще можно было ошибаться, думать, что полк или роту можно водить в огонь по товарищескому сговору, производя под огнем и штыками противника как бы постоянный митинг. И даже такие полковые „солдатские советы“ были очень полезны сперва в момент революции, когда они были огромной силой против контр-революционного офицерства. Но когда от восстания задача перешла на простое, практическое дело—бить неприятеля на фронте, то сразу стало ясно: боевой момент требует одного начальника. И понятно, что таким начальником был по необходимости бо́льшей частью спец. Только понемногу из новых военных школ прибывали новообученные красные командиры и замещали спецов, конечно, начиная с низших командных должностей. Теперь красных командиров уже десятки тысяч в Крас-

ной армии, есть (хотя еще и мало) и высшие командиры, прославившие свое имя, как т. Буденный, командир конного корпуса, раздавивший царскую каналью Деникина, и бывший прежде только унтер-офицером.

Военное дело послужило образцом и для мирной советской организации. Потому что было бы глупо думать, будто смертельная опасность грозит нам от взбешенной буржуазии только на фронте. Фронт ничего не стоит без тыла, тыл дает всю силу фронту, готовя для него и массы новых бойцов, и вооружение, и амуницию, и продовольствие, и обмундирование. А все это возможно готовить так быстро и обширно, как требуется для победы, только тогда, когда весь тыл, т.-е. и все народное хозяйство, и все учреждения Советской власти действуют тем же, можно сказать, дыханием, что и фронты: быстро, стройно, энергично,—иначе сказать, по-военному. Некогда тут долго размышлять, разговаривать, критиковать свои ошибки да исправлять их, нужно во что бы то ни стало, под страхом гибели, сию минуту дать фронту все, что возможно. А это достигается тоже только, во-первых, употреблением в дело лучших знатоков хозяйства—спецов, во-вторых, единоличным управлением в предприятиях и в правительственных учреждениях. Конечно, где лишь возможно, должна сохраняться коллегия (совещание), но вообще приходится милитаризовать (поставить на военную ногу, от латинского слова „милитарис", значит—военный) всю промышленность и все государственное управление. Конечно, все это—при выборности всех Советских властей—советскими съездами.

Но никто из сознательных пролетариев не станет думать такой нелепости, что Советская власть вообще всегда должна иметь только такой военный вид. Нет, это не верно. Только война, только угроза гибели со всех сторон заставляет нас сгрудиться как бы в единую машину, действующую по команде. В более

мирные времена Советская власть оставит эту чрезвычайную форму и перейдет ко все бо́льшему и бо́льшему участию массы рядовых трудящихся во всех ступенях и во всех подробностях управления.

Хотя, конечно, и сейчас дело вовсе не обстоит так, чтобы вся власть оставалась будто бы у „верхов", а „низам" приходилось лишь молчать и носа ни во что не совать. Нет, такой порядок возможен лишь там, где в верхах сидит один немногочисленный класс—класс паразитов и хищников, а в низах пребывают все трудящиеся, служащие лишь как бы пищей для тех хищнических верхов. Но когда сами же трудящиеся милитаризируют свое управление для укрепления своей боевой способности, то дело совсем иное. Они превосходно понимают, что вся боевая Советская машина основана все же только на живой работе самих масс. Замрет эта работа—и конец всей Советской власти. Поэтому и сейчас „единоличие" в управлении не только не подавляет участия масс в нем, наоборот—наше рабочее единоличие стоит твердыми ногами на работе масс—хотя эта работа и сжата несколько в тесную военную форму.

Стоит лишь вспомнить опять про нашу Красную армию. В ней в одно и то же время „спецы" командуют единолично, и тут же спешно готовятся десятки тысяч красных офицеров из рабочей массы, которые мало-по-малу заполняют ряды офицерства—хотя и сами становятся единоличными командирами. И так всюду. Приток массы новобранцев-работников идет без перерыва и все шире и шире во всем решительно управлении, начиная, например, от Государственного Контроля, который из чисто „спецевского" вида превращается в Рабоче-Крестьянскую инспекцию, и вплоть до железнодорожных мастерских с рабочими-распорядителями паровозного ремонта и до продотрядов, где только благодаря сознательным рабочим удается без больших столкновений собирать хлеб в голодный год от крестьян.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Несмотря на единоличие, вся наша система так устроена, что масса, так сказать, снизу заливает постепенно все учреждения. Конечно, это идет пока медленно, и еще лучше будет делаться в более мирные времена, когда подготовка трудящихся может происходить на полном просторе. Но и сейчас наш стиснутый кулак только тем и крепок и могуч, что складывается из огромнейшей энергии самих масс, только, так сказать, доверяющих целиком все верховное командование в смертном бою своим выборным центрам.

Словом, сейчас, к 3-ей годовщине Октября, Советская власть все еще переживает такое время, когда ей всю многомиллионную волю трудового народа надо направить в одну точку—на помощь фронту. И она была бы просто безумна, если бы в чрезвычайную минуту не сумела дать себе необходимого, чрезвычайного устройства. И она его нашла—это видно из того, что мы успешно отбиваемся от великолепно снабженного всем врага и чуть-чуть уже взятием Варшавы не опрокинули весь буржуазный порядок даже за границей.

Велика сила пролетарской добровольной централизации.

3. Змеиный шип на Советскую власть.

Наша правда трудовой Советской власти, богатырски отстаивающей себя против ненависти всего хозяйско-господского класса всех стран, сияет как солнце. Но тем сильнее ненавидят ее все гады, не выносящие света солнца. Тем бешенее клевещут на нас г.г. меньшевики да эс-эры, иначе называемые „соглашателями“, за то, что они, боясь революции, как чумы, всеми силами стараются склонить восставшие массы рабочих и крестьян на соглашение со вчерашними господами.

Такой «соглашательский» порядок они изображают перед рабочими, как самонастоящую демократию, равноправие первого сорта. А вот у большеви-

ков—шипят они—под фальшивым именем Советской власти существует, мол, такое же самодержавие, как и при Романовых, еще и хуже. И доказательств они, повидимому, находят сколько угодно. Где свобода печати? говорят они. Большевики ее не терпят: вот бедным соглашателям запрещается даже маленькую газетишку свою издавать. Свобода собраний?—то же самое. Нельзя ни соглашателям, ни буржуа и помещикам на собраниях сговариваться о том, как бы взорвать к чорту всю Советскую власть. Свобода союзов?—снова та же история. Это и при Николае, плачут нежным голосом гадюки, не бывало. Тогда хоть под видом больничной кассы можно было собираться, и т. д.

Знает змеиное отродье, чем можно пронять слишком слабого ко всякому хныканью о несправедливости русского трудового человека. Он столько в самом деле натерпелся от старого самодурства, что легко клонит ухо к таким воплям, хотя и обманным. Но ведь рабочие и крестьяне, сами сделавшие Октябрьскую революцию, знают, что ее делать приходилось, не смотря на всякие вопли. Революция есть насилие—в этом надо дать себе отчет раз-навсегда—насилие необходимое, целебное, единственно спасительное. От этого пролетарского насилия, конечно, будет больно многим и многим людям, целым толпам или, лучше сказать, целым шайкам, удобненько устроившимся на теплых гнездышках посреди целого моря бед трудового народа. И тут не только крупные капиталисты да помещики, а целые стада их пресмыкающихся слуг—чиновники, служащие, поставщики всяких пустяков для господских прихотей. Целый огромный класс мелкой буржуазии—торговцы, ремесленники и т. д., привязанные к крупным тузам денежным кредитом и „сердечной благодарностью“ за этот кредит. Понятно, им всем больно наступала на хвостик своим насилием грубая, но здоровая пролетарская революция.

Вот и шипят и брызгают ядом бессильной клеветы. Самодержавие, говорите вы, друзья-соглашатели? Нет, дорогие, наше насилие над вами покрепче, потверже самодержавия. Самодержавие, разумеется, было по своему существу гораздо худшим насильником, чем революционное государство трудовых Советов; оно, если бы могло, давило бы миллионы трудящихся, как блох — да оно не смело этого делать, потому что было владычеством только ничтожной кучки негодяев над массами. Советская власть, наоборот, массами управляет отнюдь не насилием — она их воплощенная свободная воля. Но, применяя насилие к кучке врагов, она, как представительница подавляющего большинства, может себе позволить в случае надобности такие могучие меры подавления всяких гадов, каких не могло и думать применить помещичье самодержавие или так наз. „демократия" тех же соглашателей. Да, Советская власть окончательно отнимает свободу печати, союзов, собраний у врагов рабочего класса, потому что она беспримерно сильна—в тысячу раз сильнее самодержавия доверием к ней огромных масс.

Понятно, что соглашателям приходится плакать от этой силы больше, чем от царского правительства. Но это-то и является доказательством того, что Советская власть исполняет, как следует, задачу, заданную ей пролетариатом. Змеи шипят, плачут и готовы ужалить на смерть нашу власть — ага! значит все в порядке, революция продолжает итти полным ходом на пользу и свободу трудящихся. Вот если бы наши обиженные гадюки замолчали — вот тогда бы надо было беспокоиться: в чем дело? не свернула ли революция с пролетарской прямой дороги в соглашательские извилины?

Диктатура пролетариата — конечно, не мягкая перина для врагов нового, социалистического порядка, для друзей и слуг старого, частно-собственнического строя. В 1920 году, на 3-й год от рождения трудо-

вой республики, приводя в порядок свое скудное наследство от промотавшихся хозяев прежней России, Советская власть пришла к необходимому шагу— к неуклонному проведению на деле во всем производстве, во всем труде государства трудовой повинности. Мы не можем иметь достаточного числа здоровых паровозов, вагонов, если не подтянем себя на работу их постоянного ремонта. Не можем наготовить достаточно обмундирования для фронта, если не увеличим нашим общим, всероссийским пролетарским решением нашего рабочего времени до 10 до 12 и более часов—сколько надо. Не можем вообще существовать без строгой разверстки собираемого с крестьян хлеба. А соглашатели — ну, вопить: Советская власть вводит для рабочих и крестьян наново крепостное право. И опять-таки мол хуже, чем при самодержавии.

Находятся такие легковерные между рабочими и особенно между деревенскими людьми, которые готовы верить: в самом деле — мол, и при крепостном праве так же заставляли работать по барскому приказу... Вот в том-то и дело, что так же, да не так. Тогда было по барскому приказу, а теперь — по приказу центральной Советской власти, т.-е. всех трудящихся вместе. Неужели же в самом деле кто-либо из рабочих или крестьян настолько недалек разумом, чтобы воображать, будто свобода трудящихся, завоеванная в Октябре, есть свобода от труда? Т.-е. каждый мол волен работать сколько хочется — ну, 2—3 часика, да и то с прохладцем — а там и отдыхай, родной. Если кто-нибудь воображал себе такую ленивую свободу, то не стоило, вправду, и революции делать. Потому что при такой работе в охотку—когда кругом, как чертополох, растут буржуйские силы — все рабочее государство, наконец, лишится всяких средств продовольствия, топлива, передвижения, одежды, ослабеет, захиреет, станет желанной добычей тех же недалеко отогнанных хищников.

А коли уж сделали революцию, то знали зачем: чтобы воскресить, а не расслабить окончательно все народное хозяйство. А воскресить его возможно только трудом и трудом упорным, честным, добровольным. Поэтому нечего и хныкать на Советскую власть, что она будто на барщину бедных трудовых людей гоняет. Сами мы все — Советская власть, и всякий ее приказ на пользу государства есть приказ самим себе. А когда человек приказывает что-либо самому себе, для своей явной пользы, то как бы ни трудно было исполнение, но это есть мое добровольное решение. Иным словом — это моя свобода.

В самом деле, возьмем пример из личной жизни каждого из нас. Скажем, я решаюсь для улучшения своего малого заработка поехать в город, в школу. Живу там год и два, и так как при ученьи зарабатываю плохо, то голодаю, зябну, трачу последние силы, только бы не бросить науку, не остаться по старому неученым. Так вот, если такую „каторгу" человек берет один для своего одинокого счастья, то почему же весь рабочий класс не скажет себе: бросимте, товарищи, эту негодную, старинную глупость — каждому кузнецу отдельно ковать свое маленькое счастье; это и себялюбиво и нерасчетливо, потому, что нас миллионы, мы все делаем друг другу конкуренцию, и только десяток-другой всякими подлостями пробьется. А вот ежели те же самые рабочие силы да соединить общим решением вместе в общем труде — заставив, конечно, силой работать и ленивое меньшинство, то тогда только добьемся для всех достаточно выгоды и счастья, следовательно и для каждого лично.

Вещи это, кажется, простые, но приходится их разжевывать и в рот класть. И надо зарубить себе на стенке, что „свободный труд" вовсе не означает с первого же шага революции легкого и беззаботного житья. Нет, до такого житья надо еще доработаться,

заслужить его горбом и мозолями. Но ведь не даром говорится: „своя ноша не тяжела".

Пусть же любят свою Советскую власть все рабочие и крестьяне, и они трудовую повинность не будут считать за какую-то барщину, за ярмо, а за— путь рабочей свободы. И с негодованием отбросят далеко все змеиные клеветы коварных соглашателей на нашу несуществующую каторгу.

Эти всесветные сплетники все стараются—охота смертная, участь горькая!—изобразить нашу диктатуру пролетариата, как небывалый в истории гнет и „красный террор" (запугивание). Мы уже видели, что дело обстоит как раз наоборот, и лишь тот факт, что революция употребляет необходимое, благодетельное насилие против многочисленных врагов и немногих идиотов, дает клеветникам некоторое подобие истины в их лжи. Но, показав эту нахальную их ложь, мы со своей стороны нападем на них и спросим:

— А что, любезнейшие гадины, вы-то, у вас-то, в ваших прекрасных буржуазных и соглашательских палестинах разводите разве чистейшие цветочки свободы? А что у вас торжество богачей, частных собственников, рабовладельцев не обеспечивается разве самой зверской диктатурой буржуазного класса?

На такой прямой и неудобный вопрос соглашатели, конечно, по своей змеиной натуре принимаются сперва всячески извиваться, ускользать от прямого же ответа. Они снова будут повторять свои давно надоевшие басни о „демократии", „равенстве". Мы видели уже не раз, чего это их равенство стоит. Но сейчас изобразим во всю, так сказать, величину то, как буржуазные обманщики бессовестно душат народ своей диктатурой меньшинства, когда власть оказывается хотя бы временно на их стороне.

Такой случай, например, был сейчас после падения Николая с царского трона, при известном болтуне г. Керенском. Этот эс-эровский плаксивый адвокатик

премного вздору наговорил за 7 месяцев о „святой демократии". А что он на деле творил?

Он, участвуя зараз и в правительстве вместе с капиталистами и помещиками, как московский купчина Гучков, киевский сахарозаводчик Терещенко, князь Львов, и в Совете Рабочих Депутатов, где сидел даже в Центр. Исполнит. Комитете, все делал, чтобы подчинить Совет Рабоч. Депутатов Временному Правительству богачей. Словом, его соглашательство—как, впрочем, и всякое вообще соглашательство — было простой механикой для порабощения рабочих и крестьян тем же их прежним хозяевам. И это порабощение ему долго удавалось, несмотря на ворчание и даже восстания рабочих в апреле и в июле 1917 года. Как же, каким способом добивался Керенский такого послушания масс? Своим увлекательным красноречием, что ли?

Нет, краснобайство здесь было только розовенькой кисеей, чтобы отвести глаза доверчивым и неопытным людям, а под этой легонькой занавесочкой находилось самое грубое и нахальное насилие—только насилие не революционное, не пролетарское, а насилие контр-революционное, буржуазное, иначе: диктатура капиталистов.

Когда рабочие в июле 1917 г. выступили на улицах Питера с требованием немедленного разрыва союза России с французскими, английскими и американскими капиталистами и прекращения гибельной для нас империалистской войны с Германией, Керенский силой пулеметов заткнул глотки рабочим. А незадолго до этого по прямому приказу посланца американских миллиардеров погнал армию Брусилова, стоявшую в Галиции, в наступление, кончившееся, увы, неудачно.

Потом памятная история с контр-революционером генералом Корниловым, который вдруг с фронта пошел на Петроград, чтобы силой опять-таки оружия отучить питерских рабочих от любви к большевизму, разогнать Советы, ввести генеральское самодержавие.

И Керенский по-приятельски сговорился с Корниловым обо всем этом; только, когда дошло до дела, испугался гнева трудовой массы и изменил своему буржуазному другу-головорезу.

И все это разве не была чистейшая диктатура буржуазии?

Керенский сломал себе шею на этих кознях. Но потом, за 3 года Советской власти идет целый ряд новых и новых попыток воскресить такую же „демократию", такое же соглашательское управление, вернуть ту же насильническую диктатуру банкиров, фабрикантов и помещиков.

Вспомните Колчака. С ним дело началось, как все помнят, с чехо-словаков. Опираясь на эту иностранную, хорошо-организованную военную силу, на Волге, Урале и в Сибири установилась власть меньшевиков с эс-эрами. Они созвали там свое Учредительное Собрание, конечно по фальшивому рецепту „всеобщего, равного" голосования, где голоса-то равны, да сила-то выборных—по их капиталу—весьма неравная. И голоса в конце-концов, как тростник от ветра, клонятся все в пользу богатой буржуазии. И вот, как и Керенский, Чернов и Комп. за все свое управление ни черта не сделали для бедных крестьян и рабочих. Наоборот, оставив землю и заводы целиком по-прежнему, они всю власть отдали бывшим царским генералам и банкирам. Колчак был выдвинут на первое место ими же. Разумеется, он был не глупей Корнилова. Увидя власть в своих руках, дал пинка под зад всем Черновым и завел открытую—безо всякой кисейной соглашательской покрышки—диктатуру генеральской сабли, стал „верховным правителем" со всеми царскими правами, да и его добрые хозяева—банкиры Западной Европы—не шутя прочили адмирала в наследники Романова.

И у прочих союзников и преемников Колчака—у Краснова, Деникина, теперь у Врангеля—точь в точь та же песенка. Сперва для приличия разговоры по образцу Керенского насчет демократии, равенства—

разные Донские „великие казачьи круги" да Кубанские думы, потом — разгон этого „равноправного" круга либо думы, и из демократического орешка вылупливается беленькое самодержавное ядрышко и этим путем белый насильник старается отвоевать землю помещикам, фабрики капиталистам. Словом, определенно выясняется, что лицемерная буржуазия любит только для виду покричать насчет ужасного насилия большевиков и превосходной свободы в ее „демократических" палестинах. Ясно, что ей надо так кричать, потому что только обманом она и может еще держаться на спине трудовых масс, потерявших терпение. На деле же, под шумок, а иной раз и очень откровенно она валит на рабочий класс гору за горой неслыханных насилий.

Советская же власть не лицемерит, говорит открыто: ввожу диктатуру угнетенного доселе класса над классом угнетателей. Делаю это с прямой целью — окончательно добить всех хищников и устроить вслед затем равное для всех счастье трудящихся. Равенство, настоящая, неподдельная демократия придет именно только таким путем. Когда в конце неизбежной и долгой гражданской войны исчезнут со света все охотники кормиться чужим телом и кровью, останутся сплошь одни трудящиеся, вот тогда исчезнут и классы, и необходимость насилия большинства над меньшинством, прекратится даже и диктатура пролетариата, установится действительное, ненарушимое равенство.

Тогда будет у нас полный коммунизм.

4. Советская власть — строитель свободы и равенства трудящихся.

После первой, „младенческой" поры Советской власти, которая длилась, от октября приблизительно по первый приступ к устройству Красной армии

весной 1918 года; после второй, „юношеской“ поры, поры боев, поражений и побед, побед и побед — поры, длящейся и по сей день — настанет, конечно, третья, самая продолжительная, зрелая пора,—пора работы по строительству во всех подробностях огромного, общего, уютного дома — благодатной страны коммунизма.

Если в первую, детскую пору Советская власть частенько оказывалась слишком слаба на ногах, то главной виною тому было плохое понимание трудящимися массами своей новорожденной свободы. Слишком часто у них было такое смешное понимание дела, что теперь-мол можно благословясь залечь на печку и храпеть, а дело не медведь, в лес не убежит—поработаешь между прочим, когда вздумается; и—опять на печку-матушку. В таком расположении ничего непонятного не было: было от чего устать трудовому народу за целые века работы на эксплоататоров. Но такое расположение вело всю Советскую страну быстрыми шагами на край гибели. И все же Советская власть оказалась таким великолепным инструментом, что даже в этих плохих условиях сделала подлинное чудо: отбилась от злых врагов, наседавших не только извне (немцы), но и изнутри (Керенский, Корнилов и проч. буржуи и буржуйчики). Можно сказать, ребенок, едва научившийся держаться на ногах, простой палкой отбился от целой своры взрослых разбойников. Разве не чудо?

Во втором периоде Советская власть спохватилась: чудо—чудом, но так до бесконечности не может удаваться, надо централизоваться потуже, подтянуть свои собственные силы, а то как бы не остаться без головы. И вот пролетарские и крестьянские массы быстро дошли до сознания, что свобода стоит целиком на добровольной работе всех освобожденных тружеников, что „сама собой“ она не удержится. И с удивительной готовностью эта масса (если не считать немногих неисправимых шкурников) впряглась в нелег-

кую иногда Советскую лямку, показав снова чудеса, на этот раз в области упорного труда и организации. Пошли разные субботники да „недели“, да прибавки трудового дня и общее увеличение выработки всяких продуктов—беспримерное в истории трудовое оживление. Понятно, на этой новой почве Советская власть чрезвычайно увеличила силу свою и в бою с врагами, и научилась не только отбиваться, а уже прямиком их уничтожать. „Белых генералов“ мы ликвидировали (уничтожили) одного за другим, и, если остается еще в Крыму последний помещик барон Врангель, то лишь по причине поддержки его польскими буржуями, для добития которых сила Советской Красной армии оказалась еще не достаточна.

Но верно во всяком случае то, что путем ли войны или путем мира мы оказываемся в силах покончить расчеты с врагами. Именно потому, что это безусловно верно, и что не за горами конец вооруженной борьбы за нашу жизнь, является вопрос: что станет делать Советская власть в новой, 3-ей поре своей деятельности, которая теперь наступает?

Стоит только поставить себе такой вопрос, чтобы сразу же увидеть отсюда и главный на него ответ.

Ведь, заставив умолкнуть злых врагов, Советская власть освободится от чудовищной тяжести на своем трудовом теле, сковывающей, как цепями, каждый ее шаг. Выставивши для верности довольно сильный красноармейский „заслон“ против усмиренных врагов на границах, она всю силу, все свое внимание перенесет очевиднейшим образом в сторону мирного, внутреннего строительства жизни. Во второй, „боевой“ поре даже и внутреннее строительство было лишь устройством „тыла“, т.-е. вся огромная работа наша целью своей имела прежде всего и больше всего тот же фронт. Туда шел и главный хлеб, и одежда, и всякий железный продукт, туда же бежали и железнодорожные поезда. Теперь, когда умолкнут последние выстрелы на краю государства, его внутренность

перестанет быть только „тылом“, и вся работа получит иную, более отрадную цель—благополучие самих трудящихся.

Но тут дело не только в перемене цели. Не только „передача“ в той великой фабрике, что зовется Советской Россией, переменится с военного станка на станок мирно-производительный. Но с этим вместе прекратится надобность в том „милитаризованном“ (военном), боевом устройстве всего управления, всей власти, о котором говорилось в главе „Стиснутый боевой кулак“. Все управление станет быстро принимать более просторный, более, если угодно, свободный, обстоятельный и нормальный вид. Не будет той лихорадки, той судорожной спешки, когда поневоле оставляется без внимания многое, что не идет прямо для фронта, и когда неизбежны поэтому тысячи погрешностей, ошибок, прямых даже несправедливостей. Ведь, находясь под ударом могущественного империализма, часто некогда отмерять—надо отрезывать; некогда проверять—надо хватать где и что под руку попалось...

Оттого-то у нас столько жалоб и воплей и, заметьте, слишком часто правильных воплей на бюрократизм, волокиту и проч. Когда фронт, навязанный нам злобой врагов, тянет все к себе, как магнит железо, то для мирного, тылового населения остаются обрывки да кое-как слаженная машина управления. Конечно, она иной раз дает нам себя чувствовать с весьма отрицательной стороны.

Кончится фронт—дело другое. Тогда „ударным“ делом станет не военное, а собственно трудовое, главной заботой—поставить труд в наилучшие условия. Ибо ведь Советская власть лучше всех понимает, что сытый, одетый, согретый, спокойный за семью трудящийся человек наработает гору и притом гораздо лучше качеством, чем ничем необеспеченный и неуверенный в завтрашнем дне. А заодно необходимо будет приняться за срочное вовлечение этих трудящихся

масс в устройство своей собственной жизни, т.-е. всего производства и всего распределения жизненных продуктов.

Ибо лечение болезни „бюрократизма“ и „канцелярщины“ как раз в том лишь и состоит, что до мельчайших мелочей все управление перейдет в руки людей заинтересованных в его наилучшем ходе, т.-е. на место бывших чиновников—живые люди из рабочих и крестьян. Правда, последние еще должны учиться трудному все же делу управления, но научиться им не так уж долго, была бы лишь эта задача поставлена Советской властью в таких широко-государственных размерах, как это требуется.

Об этом уже ранее нами говорилось. Но если это сейчас поневоле делается и может делаться лишь урывками, ибо для немедленного действия нередко бывает лучше воспользоваться имеющимися уже налицо—хотя и плохонькими—канцеляристами, чем, выбросив их, оказаться надолго вовсе без исполнителей, то тогда, наоборот, нужны будут тысячи и сотни тысяч внимательных, истинно деловых, спорых, проворных работников—и мы их будем иметь. Приготовительным классом в школе Советской работы им послужит первоначальная выучка у тех же, хотя и полунегодных „бывших людей“ бюрократии. Но главную науку они уже будут брать из сразу воскресшей деятельности советских учреждений и производств.

Такая огромная, миллионная, массовая школа советской работы будет происходить как можно шире, всенародно, с самым подробным обсуждением не только в Советах, но и в тысячах публичных собраний, в газетах. Теперь, напр., нашим газетам—как и всем защитникам Советской власти—даже почти некогда критиковать (разбирать подробно) все, что делается Советской властью и вообще организациями трудящихся. Столько газетам приходится заниматься прямыми призывами к действию (напр., к устройству „недели фронта“, к спешной заготовке дров и т. д.)

Тогда—дело другое;—и вот понемногу, по мере того, как наши враги станут „успокаиваться“ (т.-е. обессилеют) под напором пролетарских масс всех стран, все слышней будет голос руководящей, центральной Советской власти, приглашающей нас: „Все к свободному обсуждению“. Точь в точь как она сейчас зовет нас: „все на фронт“, „все на транспорт“, „все на топливо“.

А представим себе—что весьма и весьма возможно, и не в так долгий срок,—что наша геройская борьба за счастье трудящихся зажжет, наконец, полную коммунистическую революцию во всех главных странах Запада, и рабочий класс, захвативши там власть, подомнет окончательно под себя всех империалистов и оснует всюду свои Советские республики. Тогда опасность возвращения наших угнетателей прекратится навеки, и наше мирное строительство окажется в таком благоприятном положении, что нам перестанет быть окончательно опасным не только предательское слово, но и изменническое дело змеиных наших противников. Пусть себе тогда потрясают воздух все г.г. соглашатели, все меньшевики и эс-эры, взятые вместе или каждый в розницу. Пусть упражняются в красноречии и в огранизации союзов г.г. Черновы и Мартовы—пролетарии уже на деле увидят всю их бессильную злобу. Соглашатели будут, к своему удивлению, иметь тогда и свободу слова, и свободу союзов. Увы, тогда они, пожалуй, будут плакать о прежней несвободе, потому что на полной свободе—о ужас!—им нечего будет сказать трудящимся.

Но спрашивается, в ту лучшую пору будет ли прекращена трудовая мобилизация? Будет ли в управлении разных учреждений и производств сохранено или снова отброшено единоличие? Будут ли прекращены или по крайней мере сокращены те большие преимущества, какими пользуются сейчас ученые или особо опытные, особо редкие по своим знаниям спецы, инженеры, химики, агрономы, руководители производства?

Думается, что ответ сам собою выясняется из всего сказанного сейчас и ранее. Трудовая мобилизация еще долго, разумеется, не может быть прекращена. Когда установятся у нас более мирные времена, тогда придется, пожалуй, говорить не об ее прекращении, а об усилении или, по крайней мере, об огромном расширении на все бо́льшие и бо́льшие массы трудящихся. Ибо то строительство общего, коммунистического хозяйства, которое сейчас слишком стеснено войной, тогда пойдет во всю ширь. И Советская власть станет двигать все бо́льшими трудовыми массами. Мобилизация их возрастет, может быть, в десятки раз. Ибо—как же иначе сможет существовать государство, строющее коммунизм? С другой стороны, несомненно, что и в трудовую мобилизацию проникнет тот новый, „мирный" дух, о котором говорилось выше. Мобилизация останется, правда, настолько делом „военным", насколько сохранит и даже сильно возвысит ту стройную и строгую дисциплину, без которой невозможно своевременно перебрасывать массы и заводить во всей стране общий план всего производства фабричного и сельского. Но это не будет производиться тем неизбежно бюрократическим способом безотговорочного предписания из центра и бесспорного повиновения, каким это делается сейчас в эти слишком опасные времена. Мобилизация будет тщательно обсуждаться, и на деле подготовляться самими же миллионами ее участников. Настанет время, когда коммунизм будет у нас, можно сказать, совсем уже на дворе, и тогда вся трудовая советская масса будет так подготовлена и развита, так хорошо понимать управление, что всякое принуждение, всякий приказ станут лишь смешным воспоминанием. Все будет двигаться как бы само собой, как в огромном и многосложном муравейнике. Ведь муравьи исполняют день и ночь трудовую повинность. Кто же слыхал, чтобы муравьев кто-либо з а с т а в л я л работать? Кто слыхал когда-либо о ленивом муравье, отказывающемся таскать

свои былинки и песчинки, или не знающем, куда с ними ткнуться, когда кругом кипит строительная работа? Так будет и с нами. И тогда никто не станет без улыбки вспоминать о чудаках или лентяях, которые, как чумы, боялись товарищеской, свободной, сознательной мобилизации.

Единоличие в управлении в более мирные времена, вероятно, частью сохранится, частью нет. Тут дело тесно связано с вопросом об ответственности за плохое или хорошее ведение производства или управления и с вопросом о спешности, срочности дела. Техника дела часто требует установления единоличной ответственности инженера или заведующего отделом и т. д. Без сомнения на сильно ответственных местах, в срочных и „ударных“ производствах—напр., долгое еще время по транспорту, продовольствию, топливу, изготовлению машин с.-хозяйственных и фабричных— будет ощущаться такая кровная зависимость всего трудового государства от особо-напряженной работы того или иного производства, что здесь сохранится „милитаристический“, боевой оттенок управления, и, следовательно, единоличное „командование“. Однако, это—на-ряду с внимательным контролем со стороны работающей массы. А затем, где лишь возможно—и чем дальше, тем больше и шире—будет совершаться переход снова к коллегиальному управлению. Причем, однако, и коллегия будет уже совсем не та, что в первую, „младенческую“ пору Советской власти. Тогда роль коллегии была больше политическая, чем хозяйственная: нужно было придать рабочих к спецу, чтобы иной раз чуть не с оружием в руках отбивать у него охоту от саботажа и мечту о возвращении хозяев. Для такой роли годились и мало смыслящие в управлении товарищи, но зато хорошие революционеры. Правда и то, что очень скоро пришлось отказаться от этой системы. В будущем коллегия будет состоять из знающих данное дело или уже мало-мальски опытных,

полезных своими советами работников. Коллегия нужна будет, главным образом, как рассадник новых работников, шлифующихся здесь на практике, и как школа работы.

Наконец, вопрос собственно о спецах. Почему сейчас они пользуются подчас огромными правами и преимуществами перед рядовым рабочим, хотя рядовой-то является главным революционером, а спецы сплошь да рядом не то, что заслуг никаких перед революцией не имеют, но являются и определеннейшими контр-революционерами? Почему? Надо, чтобы каждый трудящийся ясно отдал себе отчет в этом.

Нельзя, глупо, невыгодно трудящемуся смотреть на эти преимущества спецов только со своей, отдельной, частной точки зрения—вроде какой-то ревности.

Проще всего, конечно, стоять на этой точке зрения, потому что это не требует большой головоломки насчет общих интересов всего пролетариата. Проще всего думать так: прогнать этих бывших буржуев в шею или хоть не давать им заноситься в своих требованиях, сравнять во всем с рабочими.

Но это может на самом деле повести к одному: к крупным потерям для Советской республики. Надо помнить, что наша страна под властью своего бывшего барина Романова была совсем дикой по сравнению с образованными странами Европы и Америки. Всяких спецов у нас было очень мало, в особенности дельных. С революцией многие из них разбежались. У нас их значит многим меньше еще, чем у царя. А задачи-то наши как раз гораздо шире, чем при царе. Значит у нас есть настоящий г о л о д на спецов. Это надо сказать откровенно, потому что спецы это и без нас превосходно понимают и понимают, что загонять их в наше ярмо одною голою силой мы просто-на-просто не в состоянии. Значит, приходится подгонять их, как лошадь, и овсом, а не только кнутом. Все же очень уж большого они у нас не возьмут. Мы их используем гораздо выгоднее для

нас, для всего нашего будущего, чем они нас для их настоящего.

Советской власти — этому единственному хозяину нашей трудовой страны—приходится учитывать не только выгоды и преимущества, но и невыгоды и даже убытки, чтобы лишь в итоге оказаться при выигрыше.

Отсюда видно, что по крайней мере в первое время, когда минет острая военная опасность со стороны империалистов и белогвардейцев, мы не сможем обойтись без более или менее повышенных окладов, несколько усиленных пайков и прочих удобств для спецов—именно для того, чтобы поскорее привести дело к желанному, светлому порядку коммунизма, где уже всякое материальное неравенство навеки будет забыто.

Неравенство это на известный срок неизбежно, но столь же необходимо, как только возможность представляется, поскорее его сглаживать, уменьшать. Чем больше спецов будет искренно переходить на Советскую почву, чем больше рабочих будет выучиваться управлению не хуже спецов, тем и давление на нас спецов и их требования будут слабеть, тем скорее и Советская власть будет в состоянии накладывать свою руку на неравенство.

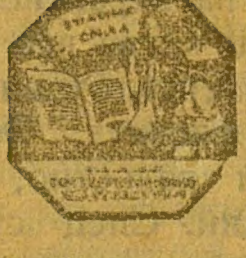
Настанет минута, когда все болезненные шероховатости нынешнего „приготовительного" Советского порядка пройдут, исчезнут. Общий труд станет исполняться бодро и радостно, без всяких принудительных мобилизаций. Спец станет таким же рабочим — лучше сказать тружеником (потому, что слово „рабочий" неразрывно соединено с нищенским заработком от милости хозяина),—как и все прочие. Неравенство кончится, как дурной сон. Единоличное начальство на деле ничем не станет заметно. Спрашивается, что тогда станется с самой Советской властью?

О, это очень замечательно. Стоит лишь немного

подумать, чтобы сказать: власть понемногу исчезнет вообще. Ибо ведь всякая власть основана на принуждении. А коли принуждать станет больше некого и не к чему, то и власти нет. Очевидно, что тогда установится какой-то новый, невиданный еще нигде порядок товарищески-согласного труда и товарищески-свободной жизни. Впервые придет действительная, полная свобода.

Это и будет коммунизм.

Цена 10 р.



Указанная на книге цена никем не может быть повышена.